

Лев ВЕРШИНИН

«Бежали храбрые грузины»

Предисловие Анатолия Вассермана
Неприукрашенная история Грузии

Информационная война

Лев Вершинин

**«Бежали храбрые грузины».
Неприукрашенная история Грузии**

«Яуза»

2015

Вершинин Л. Р.

«Бежали храбрые грузины». Неприукрашенная история Грузии /
Л. Р. Вершинин — «Яуза», 2015 — (Информационная война)

НОВАЯ книга от автора бестселлеров «Русские идут!» и «Украина – вечная руина». Вся правда об истории Грузии и ее непростых отношениях с Россией. Честный ответ на один из самых острых и болезненных вопросов: почему братский народ, некогда спасенный русскими от геноцида, «отблагодарил» нас ненавистью и кровью? Есть ли хотя бы крупица правды в обвинениях грузинских русофобов? Была ли Грузия «колонией» России и разве могут «угнетенные» пользоваться равными правами с «угнетателями»? Правда ли, что ироничная переделка лермонтовской строки после войны 2008 года «Бежали храбрые грузины» служит рефреном всей грузинской истории? Почему отважный и талантливый народ потерпел столько поражений и лишился государственности? И есть ли будущее у «независимой Грузии»?

© Вершинин Л. Р., 2015

© Яуза, 2015

Содержание

Предисловие. Тысячелетние империи	6
Глава I. Давным-давно	8
Откуда есть пошло	8
Основание	9
Шекспириана	10
Слева молот, справа серп	11
Брат за брата в черный день	12
Вопрос полномочий	13
Глава II. Миров двух между	14
Три корочки хлеба	14
А ну-ка, отними!	16
На севере дальнем	17
Эти сложные хайастанцы	18
Мелодрама с препятствиями	20
Обрести в бою	21
Глава III. Зеленая книга	22
Арабески	22
Глухарина охота	23
Сепаратисты	24
Плоть и кровь	26
Глава IV. Понемногу	28
Я вижу солнце!	28
Солнечная ночь	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Лев Вершинин
«Бежали храбрые грузины».
Неприукрашенная история Грузии

На переплете рисунок *Е. Ефремовой*

© Вершинин Л. Р., 2015

© ООО «Издательство «Яуза», 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Предисловие. Тысячелетние империи

Начиная писать любую книгу, а тем более – книгу историческую, автор с самого начала должен ответить себе на простой вопрос: «Зачем?»

Зачем я пишу эту книгу?

Зачем я собираюсь снова и снова представлять взору моего читателя вереницу царей и цариц, племен и народов, год за годом и век за веком творящих свою живую историю на отведенном им богами клочке суши? Что я хочу сказать своим читателям и к чему я хочу их сподвигнуть?

И кто они будут – те самые читатели, которых должно заинтересовать такое тридесатое изложение широко известных событий? Тем более если события эти – история гордого, но все-таки маленького государства и создавшего его столь же гордого, но маленького народа, расположенного между отрогами Кавказа, Черным и Каспийским морем?

Читатели исторических книг – народ ушлый и подкованный. Им нужна всегда не просто история, а История с Большой Буквы. Так, чтобы брало за душу и чтобы гремело, лязгало и кричало на каждой странице. Иначе – можно просто снять с полки томик Большой Советской энциклопедии, а то и зайти в Интернет и просто почитать в Википедии статью с названием «Грузия».

Сухих фактов в истории полно – но нам, читателям, интересны интерпретации, живые истории и яркие рассказы о прошлом. Мы хотим понимать людей, хотим чувствовать их мотивации и осознавать их поступки. И всегда невольно задаем вопрос: «А как бы я это сделал? Как бы я поступил на месте царицы Тамары или же Давида-Строителя?»

Мы постоянно примеряем историю разных стран и биографии многих исторических деятелей именно на себя, пропуская через свой чувственный опыт и свою логику все события, происшедшие вдали от нас и в далеком, ушедшем давным давно в Лету, прошлом.

И вот тут, в рассказе об истории Грузии, нас ждет неожиданный сюрприз. Раз за разом, страница за страницей в этой книге, читая об историческом пути Грузии, мы будем вспоминать историю... России.

История громадной континентальной империи Евразии сюжетно очень похожа на историю небольшой «империи Кавказа», которую снова и снова будут стараться выстроить грузины на своих цивилизационных «шести сотках кавказской земли».

Да, в истории России гораздо больше побед и гораздо больше завоеваний. Так получилось в истории: русские исторически зародились на продуваемой всеми ветрами и открытой со всех сторон врагам Восточно-Европейской (Русской) равнине. Желание выжить любой ценой довело историю России до отрогов Кавказа и до Камчатки, до Сахалина и до Новой Земли, до Алтая и до «трофейного» Калининграда.

Историческая судьба Грузии сложилась иначе. Уютные и защищенные горные долины Закавказья были идеальными «яслями» для грузинского этноса, носившего на своем историческом пути несколько имен. Ребенок вырос – и ясли стали для него малы. Имперская сила – та же, что сподвигла Россию на многовековой поход к Тихому океану, привела ее в Среднюю Азию и в Закавказье – двигала и Грузию. Но Грузия так и не смогла в итоге выйти из своих закавказских ясель, так и осталась в статусе лишь «первого парня на деревне», а не «римлянина, правящего Кавказом».

Ведь что греха таить: римская идея – «править, а не царствовать» – всегда была столь же близка Грузии, сколь она пронизывает все и вся в исторической мифологии России.

Однако для Грузии история припасла жестокую ловушку: будучи такими же носителями имперской идеи, грузины – в силу своего характера и особенно в силу своих исторических

условий – так и не смогли реализовать эту римскую имперскую идею на своем историческом пути.

Да, не хватило ресурсов. Да, враги оказались сильнее и коварнее. Да, география, поддержав грузин на начальном этапе их пути, потом сыграла с ними злую шутку. Да, не хватило холодного ума и трезвого расчета – и горячая кавказская кровь раз за разом обрушивала вроде бы уже начавшее выстраиваться здание империи.

Да, это история. Да, это кривое зеркало того, что могло произойти с Россией – и что в итоге сегодня, после тысячелетней истории, произошло с Грузией.

Зачем пишут книги по истории?

Потому что их интересно читать. Потому что это – книги про нас с вами. Кем мы могли стать, кем мы стали и возможно – кем нам предстоит стать, если мы повторим ошибки и заблуждения прошлых лет.

Ну а как же Грузия?

Сможет ли она стать тем, чем хотела стать всю свою историю?

«Идущий впереди – мост для идущего позади» – говорят грузины.

Я верю – настоящая история никогда не заканчивается. И история Грузии – продолжается.

История Грузии продолжается.

История России – тоже.

Анатолий Вассерман

Глава I. Давным-давно

Откуда есть пошло

О самых древних временах говорить не будем. Все равно точно ничего не известно. Ежели кому-то хочется подробностей, читайте классику. Преподобного Леонтия Мровели, например, чью информацию, собранную в первых частях *«Картлис Цховреба»*, я буду, во избежание сложностей, использовать дословно. Или, допустим, *«Мокцеваи Картлисаи»*. Тоже неубиенная классика. А потому, пропуская времена настолько былинные, что даже подумать страшно, ограничимся немногим. Итак, спустя много столетий после того, как Гайоз, праотец всех армян, вместе с младшим братом Картлосом, праотцем всех грузин, и другими братьями, тоже праотцами – мегрелов, сванов и других кавказских народов, пришел на Кавказ и распределил, что кому будет принадлежать, на территории нынешней Западной Грузии существовала Колхида. Уже нечто вроде государства, с наследственной короной, дружиной, земледелием, ремеслами, торговлей и прочими признаками бесспорной цивилизации. Насчет этнической принадлежности, опять-таки во избежание чьих-то обид, скажу только, что жили там, судя по всему, эгры (предки мегрел), чаны (предки сванов), апсилы и другие племена (предки адыгов). А также, но сильно южнее, лазы. И, безусловно, греки. Начиная с аргонавтов, они полюбили приятный субтропический край, понемногу основали колонии и зажили полной жизнью, причем, в отличие от итальянских, сицилийских и крымских сородичей, с местным населением не враждовали, а ладили, установив для них планку типа «ну да, варвары, конечно, куда ж деваться, но высшего сорта». Когда пришли персы, подчинились, а куда ж деваться, и платили дань (несколько сотен детей в год), однако сатрапией все же не стали, скорее всего, потому, что Ахеменидам было влом посылать войска на далекую периферию, которая и в «вольном статусе» вела себя хорошо.

Вот, собственно, и все, что знаем мы о самом давнем прошлом территории, простиравшейся некогда примерно от реки Псоу до сильно южнее нынешнего Батуми. Впрочем, история собственно Грузии, восточнее хребта, ведома еще скуднее. Возможно потому, что ее до конца IV века до н. э., строго говоря, и не было. В Колхиде было, у осетин, согласно преподобному Мровели, было, а у «иверов» (будущих картвелов) увы. Только союз родственных племен, и у каждого свой стольный поселок, собственный старейшина-мамасахлиси, а первым среди равных считался босс поселения Мцхета. Об этих временах до нас не дошло даже легенд, зато точно известно, что в VI веке до н. э. в Мцхету прибрели первые евреи. По версии грузинских историков, «бежавшие из Иерусалима, занятого вавилонским царем Навуходоносором». Но мне, если честно, кажется, что из числа отпущенных полувеком позже с правом идти куда хотят персом Киром Великим, покорителем Вавилона. В самом деле, от Палестины до Мцхеты в те времена, да в условиях вавилонского всемогущества, добраться было, мягко говоря, проблематично, а вот из среднего Ирака – как раз, да и возвращаться в Иудею, под крышу хмурого фанатика Эзры, вставшего там у руля, едва ли хотелось всем поголовно. Как бы то ни было, пришли. Были радушно встречены, получили землю под поселение и зажили спокойной жизнью, охотно принимая в свои ряды всех, кого привлекало единобожие. Так что (это уже не преподобный Мровели сообщает, а я так думаю) коренные грузинские евреи, считающие себя в первую очередь грузинами, а потом уже кем-то еще, вполне может быть как раз и есть потомки иверийцев-неофитов, принявших веру экзотических, но умных и тороватых пришельцев.

Основание

Собственно же история Иверии начинается с Александра Македонского. Вопреки рассказам летописцев, что Двурогий туда заходил, но, естественно, был побежден, восхитился мужеством будущих грузин, помирился с ними и заключил договор о дружбе и взаимопомощи, на самом деле сын Зевса и Филиппа прошел мимо, видимо, даже не особо заметив, что там слева по ходу. Однако ясно и неоспоримо, что лет через 30 после смерти великого завоевателя войны диадохов, деливших наследство шефа, затронули до тех пор сонный край напрямую, вынудив племена встрепенуться. Иверия, судя по всему, угодила в эпицентр разборок между Селевкидами, претендовавшими поначалу на всю Азию от Босфора до Инда, и царями Понта, с точкой зрения наследников Селевка не согласных. Именно в этот период разворачивается война между уже не мифическими и даже не совсем легендарными Азо (правитель вассальной понтийцам Колхиды) и неким Фарнавазом, по официальной версии, родственником мамасалиси Мцхеты и персом по матери, избранным военачальником всея Иверии на период войн.

Как и что там было, в подробностях опять-таки неведомо, разные слухи ходят, но факт есть факт: в конечном счете, заручившись помощью мощного по тем местам осетинского царства, каких-то горных варваров и тех колхов, которым власть Понта не нравилась, Фарнаваз войну выиграл. Однако власть после победы – как многие и до, и после него – из рук уже не выпустил, став, таким образом, первым «царем» всея Иверии (а на какое-то, хотя и явно недолгое время, видимо, и гегемоном Колхиды). Спустя же еще некий срок и царем без кавычек, поскольку Антиох Селевкид (первый или второй, непонятно) прислал ему диадему. Естественно, новоиспеченный монарх достойно отблагодарил вождя горцев и царя осетин, без помощи которых независимость Иверии не состоялась бы. Столь же естественно последовали реформы. Такие же, как и везде при подобных обстоятельствах. Старейшин попросили впредь не беспокоиться, маленькая, но гордая страна была обустроена по образцу империи Ахеменидов: поделена на области, возглавляемые губернаторами-эриставами, подобно персидским сатрапам имевшими как административные, так и военные полномочия. Разумеется, завязалась сеть нужных браков, обеспечивших на какой-то период мир. И жизнь потекла своим, уже вполне историческим чередом.

Не без усилия воздерживаясь от соблазна перечислить имена царей и описать многочисленные интриги районного масштаба, скажем лишь, что к середине II века до н. э. Иверия попала в зависимость от резко взлетевшей Армении, в конечном счете усадившей на престол в Мхете своего царевича, ставшего основателем второй иверийской династии – Дома Арташесидов, а затем вновь оказалась в эпицентре борьбы больших мальчиков, сперва Рима и Митридата Понтийского, а затем того же Рима и Парфии. Полилась кровь. Однако, помимо вреда, была и польза. Сломав Митридата, а заодно и его союзника Тиграна Армянского, по какому-то непонятному недоразумению известного как Великий, легионы (сперва Лукулла, а затем и Помпея) прошли по Южному Кавказу бульдозером, установив свои порядки в бывшей понтийской Колхиде, а управление ею передав одному из своих вассалов. Мимоходом пострадала и Иверия, однако тогдашний ее царь Артаг, будучи единожды вразумлен, сразу же понял, что лучше не отвечивать, и на его царство надолго перестали обращать внимание.

Шекспириана

Полного покоя, разумеется, не было. Да и не могло быть, учитывая, какой вулкан страстей полыхал на стыке границ могучего Рима, грозной Парфии и еще не вовсе растерявшей амбиции Армении. К тому же время от времени то один, то другой наследник умницы Артага пытался изобразить из себя что-то серьезное, в результате чего приходилось платить, как, скажем, в 36 году до н. э., когда Фарнаваз II (Бартом) себе на голову связался с Антонием. Но в целом около века или чуть меньше прошли спокойно, позволив иверийским Арташесидам, по крайней мере, навести порядок дома, на какое-то время поставив по стойке смирно эриставов, из всех сил пытавшихся стать наследственными, а в идеале и независимыми от Мцхеты. В итоге в первой трети I века н. э. Иверия, ранее считавшаяся окраиной Ойкумены, неожиданно для многих заявила о себе. Успешно вписавшись в войну Рима с Парфией при Тиберии, царь Фарсман I сумел выбить из Армении парфян и посадить на тамошний престол своего брата Митридата. Позже, правда, случилась так называемая «*операция Радамист*» (царь попытался окончательно взять Армению под себя, убив брата и заменив его сыном), но итог этой гамлето-макбетовщины оказался печальным: после почти 20 лет войн парфянские Аршакиды прочно усадили на армянский престол парня своего принца. Армения окончательно ушла из зоны римского влияния. Фарсману пришлось (оправдываясь перед Римом) убить родного сына, бывшего армянского царя, объявленного добрым папенькой виновником авантюры, и с этих пор ивериец стал очень послушным, аккуратно помогая Империи во всем, чего та волила пожелать.

Столь же мудро вел себя и его наследник Митридат, помогавший великому Траяну столь активно и самозабвенно, что стал римским гражданином, а сын Митридата, Фарсман III, по прозвищу Квели (Храбрец), удостоился даже приглашения в Рим, где Антонин Пий принял нужного вассала весьма ласково, наградил за верность и подарил некоторые земли Колхиды. Хотя и не всю, как тому хотелось. А потом, как сообщает преподобный Мровели, Храбреца отравили. Кто, не уточняется. Но, видимо, собственные придворные, и скорее всего, по инициативе парфян, уставших смотреть на интимную близость соседа с вековым оппонентом. Как бы то ни было, сын и наследник отравленного просидел на престоле совсем недолго, внук вообще пропал непонятно куда, и к II веку престол в Мцхете вместо армянских Арташесидов занимают уже парфянские принцы из Дома Аршакидов, третьей династии Иверии. Рим, таким раскладом явно недовольный, помешать не сумел: сами понимаете, сперва Коммод, войн боявшийся, как огня, потом тяжелейшая гражданская, потом приведение себя в порядок, так что около четверти века Иверия, как и Армения, пребывала в тесном, до уровня конфедерации, союзе с Парфией. И надо сказать, жила – не тужила, аккуратно в то время расцветая экономически и развиваясь социально, причем по той схеме, которая много позже будет названа «классической европейской», с феодальной лестницей, ранней формой крепостничества и, увы, новым витком княжеских претензий видеть царя всего лишь «первым среди равных», и не более того. А затем перс Ардашир, сын мага Папака из рода Сасана, поднял мятеж против парфян и положил начало новому Ирану.

Слева молот, справа серп

Сказать, что для кавказских царств такой поворот судьбы оказался неприятным сюрпризом, значит не сказать ничего. Парфяне, некогда дикари дикарями, строили свое царство по культурным эллинистическим лекалам, не стесняясь брать хорошее у всех, кто это хорошее имел, никого в культурном смысле не напрягая, да и вообще исповедовали принцип «Пусть расцветают сто цветов». За персами, пятьсот лет прозябавшими в тоске о былом величии, стояла мощная, крайне своеобразная культура, которую они считали высшей из возможных, как, впрочем, и себя, «истинных арийцев», полагали венцом творения, Арьян же Ваэча, «страну ариев», пупом земли. К тому же и в Иверии, и в соседней Армении престолы занимала родня свергнутых и почти начисто перебитых Аршакидов, которых потомки Сасана официально именовали «кровными врагами», в связи с чем былой режим наибольшего благоприятствования с этого момента стал невозможным, максимумом хорошего в новых реалиях могло стать разве что холодное сосуществование по схеме «ни мира, ни войны». Что какое-то время и имело место, поскольку первые Сасаниды, укрепляя позиции внутри страны, внешней политике особого внимания не уделяли.

Было, однако, совершенно понятно, что от будущего ничего хорошего ждать не приходится, тем паче что Рим, естественный противовес «ариям», аккурат в это время рухнул в беспредел «эпохи тридцати тиранов». Августы сменялись с калейдоскопической скоростью, власть оказалась в руках тупой, мало что в политике понимающей военщины, бурным цветом расцвел сепаратизм, разорвавший Империю натрое, а ко всем прочим прелестям на Балканах появились еще и первые готы, разведывавшие, что там на юге да как. К тому же императорам, более или менее сознающим, что происходит, катастрофически не везло. Умный и сильный Деций погиб в битве с готами, еще один добротный руководитель, Валериан, уразумевший, что на востоке творится что-то не то, был разбит персами и погиб в плену у по-настоящему великого шаханшаха Шапура I, оккупировавшего после этого Армению и вплотную приблизившегося к иверийским рубежам. Оказавшись перед лицом гибели, Рим концентрировался, выводя войска отовсюду, откуда только можно было, Боспор и Дакия были отданы на съедение готам, но скреплять рассыпавшееся было трудно, а враги рвали Империю на куски. Готы заняли Крым, освоили судоходство, добрались до берегов Колхиды, – и в такой ситуации Империя сделала ставку на маленькое, но воинственное вассальное княжество лазов, обеспечив их всем, чем только в тот момент могла.

Жалеть не пришлось: лазы отогнали готов (те, правда, приходили небольшим числом), затем подчинили другие племена Колхиды – апшилов, абазгов, санигов, – среди которых были и предки нынешних абхазов-адыгов, а потом, войдя во вкус, откусили немалый шмат от Иверии. И в конце концов утвердили свою власть на всей территории нынешней Западной Грузии, основав Эгриси – «царство эгров (мегрел)», по отношению к Риму вассальное, но уже не до такой степени, как полвека назад. В целом, свет в конце туннеля забрезжил лишь на рубеже 80-х годов III века, когда Шапур, наконец, скончался, оставив Иран в руках наследников, оказавшихся, как это обычно бывает, калибром на порядок ниже, а Рим все-таки обрел второе дыхание. В 298 году в Нисибине был заключен «вечный мир», согласно которому царства иверов и армян возвращались в сферу влияния Империи, однако на престоле в Мцхете сидели уже не Аршакиды, удержавшиеся только в Армении, а царь из уже новой династии, младшей ветви потомков Сасана. Что, впрочем, ровным счетом ничего не значило: государственные интересы очень быстро возобладали над кровным родством.

Брат за брата в черный день

Вслед за Римом Иверия – ее уже, впрочем, чаще называли Картли (предположительно от древнееврейского «карт» – «город», то есть «страна городов» типа Гардарики), – и я тоже далее буду называть ее именно так, приняла христианство. Оно, собственно, было там известно и много раньше, хотя версия о визите апостола Андрея Первозванного скорее всего патристический миф, однако не прижилось. А вот проповедница и врач Нино из Каппадокии, позже названная святой, преуспела. Трудно сказать, чем в первую очередь руководствовался царь Мириан, крестясь и принуждая к этому же подданных, – то ли и впрямь неким прозрением, то ли политическими соображениями, однако к середине IV века (конкретно дата варьируется) Восточная Грузия уже была частью христианской Ойкумены (Эгриси решилась на этот шаг намного раньше). Мероприятие, как ни объясняй, было мудрое и крайне своевременное; Картли теперь рассматривалась в Константинополе уже не просто как вассал, но и как «сестра во Христе», что, поскольку главной угрозой были язычники, накладывало особые обязательства. Правда, когда шах Шапур II, коронованный еще в утробе матери, подрос и, оказавшись очень неслабым парнем, начал в 338-м очередной тур борьбы с Римом, на картлийском направлении, как второстепенном, было спокойно. Но по итогам войны (после трагической гибели императора Юлиана и «политической» капитуляции его преемника) Рим вернул Ирану все завоеванное и отказался от «интересов» в Армении. О Картли в договоре не упоминалось, однако было ясно, что персы, пользуясь проблемами Рима, своего не упустят. И они не упустили. Не без труда подчинив Армению, Шапур в 364-м вошел в Картли, обложил царство данью и, не обращая никакого внимания на протесты из Константинополя, посадил в Мцхете своего наместника, понизив роль царя если не до нуля, то близко к тому. Так что договор 387 года, согласно которому спорные земли, наконец, поделили (4/5 части Армении отошли персам, а пятая часть римлянам, Эгриси была признана сферой интересов Рима, а Картли зоной персидского влияния), всего лишь официализировал суровую реальность.

С этого момента Иран взялся за интеграцию Кавказа всерьез. После упразднения в 428-м армянской короны шаханшах Язгарт II развернул масштабную программу упразднения там, а по ходу еще и в как бы независимых Картли с Албанией христианства и замены его поклонением Огню. Поскольку лояльность всячески вознаграждалась, довольно значительная часть знати особо не возражала. Однако «низы», христианство к тому времени воспринимавшие всерьез, отреагировали иначе: в ответ на мощное и крайне бестактное миссионерство, проводимое командированными магами, в Армении и Албании вспыхнуло огромное восстание во главе с полководцем Варданом Мамиконяном. Ирану, правда, ценой жесточайшего напряжения удалось выиграть в 451-м Аварайрскую битву, но условность этой победы была столь очевидна, что проект сочли за благо свернуть. Правда, руководство Картли, в подготовке акции протеста активно задействованное, в самих событиях участия не приняло, мудро рассудив, что поживем – увидим, но купоны состригло: измотанные при Аварайре персы до Мцхеты не дошли, а маги, видя такой оборот, сочли за благо упаковать чемоданы. Есть, впрочем, смысл добавить, что хотя претензии армянских летописцев в какой-то степени справедливы (картлийских дружин при Аварайре очень не хватило), отсутствие активности не следует списывать на счет трусости или, тем паче, подлости. Просто царь Митридат VI аккурат накануне мероприятия умер, а его наследник Вахтанг был слишком мал. Так что на какое-то время царство оказалось в руках князей, озабоченных другими проблемами до такой степени, что должное внимание не уделялось даже набегам горцев.

Вопрос полномочий

Дети, однако, имеют свойство расти. Подрос и Вахтанг. Пользуясь тем, что горцы лет за десять достали уже всех, а князьям для общего похода необходимо было знамя, он уже в 16 лет возглавил поход в горы, успешно разъяснив варварам, что они были очень-очень неправы. Проявив себя толковым вождем и поразительно храбрым воином, не знавшим поражения в поединках со взрослыми и суровыми дядями, тинэйджер довольно быстро поставил себя и дома, по ходу дела совершив несколько «самовольных» вылазок на территорию Рима, что очень понравилось шахскому правительству, благо оно ко всему прочему еще и могло с чистой совестью уверять соседей, что центр тут ни при чем, а просто провинциальное начальство бузит. Вахтангу было оказано всяческое уважение, а после более чем успешного участия его в персидских походах на восток, где все сильнее шалили кочевники, благосклонность Ктесифона к молодому картлийскому вассалу вообще утратила всякие границы. Чем тот, разумеется, и воспользовался (парень был активен и честолюбив) для возвращения утраченных полномочий и превращения царства опять в царство. Для начала привел в чувство совершенно утративших тормоза святых отцов, выслав из страны архиепископа Микаэла, позволявшего себе бить монарха ногами по зубам и сообщив в Царьград, что хочет иметь свою собственную церковь, а иначе, блин, можно и насчет Огня подумать, благо предложений море. В Константинополе, понимая, что сосед вспыльчив и на всякое способен, покряхтели, но согласились, предоставив Картлийской Церкви статус автокефальной, а ее главу признав Католикосом, практически равным по статусу Патриарху Константинопольскому.

Успех окрылил, и все пошло по накатанному пути: сперва несколько походов в горы, чтобы еще больше привязать воинов, а затем, добившись любви силовых структур, конфликт с князьями, совершенно забывшими, кто они, а кто царь, жалобы князей шаху, мол, тут, ваше величество, ваших верных слуг обижают, попытка наместника (тоже из князей) выступить в роли арбитра, – и убийство наместника по приказу царя. Что, естественно, не могло остаться без реакции. Шах двинул войска, Вахтанг ушел в горы и, возможно, все бы было кончено очень быстро, но полыхнула Армения, князь Ваган Мамиконян, племянник Вардана, пришел на помощь картлийцам, а это было уже серьезно. В 483-м фактически повторился Аварайр: в битве на Чаманайнском поле персы победили, но такой ценой, что уйти удалось даже некоторому числу армян; преследовать же Вахтанга, ускокавшего в Эгриси, под крыло римлян, каратели даже не пытались. А затем, очень кстати, в Иране началась «революция» Маздака, очень долгая, разрушительная и кровавая, так что царь спустя пару лет не только вернулся в Мцхета, но даже и на какое-то время ощутил себя независимым государем, прижав князей и основав новую столицу, Тбилиси, где старая знать не чувствовала себя так вольно.

А потом персы, слегка уладив внутренние дела, пришли исправлять недоделки. Договориться не получилось: эмиграция в римские владения, пусть и кратковременная, полностью и бесповоротно сделала Вахтанга в глазах шахского правительства персоной *non grata*. В битве у Самгори на реке Иори царь, дравшийся, как всегда, в первых рядах, был смертельно ранен, а его сын Дачи, сделав должные выводы, повел себя в соответствии с обстоятельствами. Причем, судя по всему, более чем адекватно, ибо в 510-м персы, упразднив в рамках очередной административной реформы корону Албании, в Картли царскую власть все же сохранили. Аж до 523 года, когда шах Кавад потребовал от Гургена, внука Вахтанга, отречься от христианства и поклониться Огню. Понимая, что согласие чревато переездом в Ктесифон и пенсией, царь требование отклонил. Но, поскольку армяне, измотанные двумя восстаниями, на сей раз поддержку не гарантировали, а Рим в тот момент войны с Ираном не планировал, не стал и являть героизм, вместе с семьей, короной и казной эмигрировав в Константинополь. Царская власть в Картли была упразднена, и страна превратилась в обычный иранский остан.

Глава II. Мир двух между

Три корочки хлеба

У всякой медали две стороны. Исчезновение Картли с карты Южного Кавказа изрядно облегчило жизнь Эгриси. При жизни Вахтанга, решительного, агрессивного, да еще и до поры умело разыгрывавшего карту родства с Сасанидами, царству эгров, лазов, чанов, апсилов и абазгов пришлось туговато. Если еще в середине V века оно, паря на крыльях успеха, позволяло себе даже порываться на Рим (царь Губаз I дошел и до прямого шантажа, кончившегося, правда, показательным покаянием в Константинополе), то позже, до самой гибели картлийского царя, звезда удачи заметно потускнела. Главной целью князей Западной Грузии стало, в основном, потерять как можно меньше кровного. Однако Вахтанг погиб, и амбиции вернулись. Тем паче что Иран, заинтересованный зайти стратегическому противнику во фланг, не жалел обещаний, упирая на то, что вот, мол, римляне считают вас слугами, а для нас вы братья и можете быть союзниками, а на судьбу Картли внимания не обращайтесь, они сами виноваты. Лазы в ответ делали вид, что готовы поверить, с удивительной для провинциалов ловкостью разводя шаха и его спецслужбы. Цатэ, сын царя Дамназа, даже снял крест и поклонился Огню, после чего обрадованные персы обеспечили Эгриси массу преференций. Однако в 523-м, похоронив батюшку, тот же Цатэ вместо того, чтобы делать тайное явным и оформлять договор о союзе, вновь крестился, пояснив, что и рад бы, дескать, всю жизнь славить Ахурамазду, но вот народ, закосневший в христианстве, не поймет. Сообразив, что его одурачили как пляжного лоха, шах направил в Эгриси карательную экспедицию, однако персов уже ждали готовые к бою легионы, пришедшие из благодушно наблюдавшего за раскруткой интриги Второго Рима. В итоге персы, рассчитывавшие бить лазов, столкнулись с ромеями и были биты сами, с немалым трудом и потерями откатившись назад, в остан Картли. После чего в двух пограничных крепостях, Сканде и Шорапани, по просьбе царя Эгриси встали ромейские гарнизоны.

Далее, правда, случилось странное. Согласно договору, поставку продовольствия союзникам должны были осуществлять окрестные села, однако спустя несколько месяцев припасы перестали поступать, и ромеи, принужденные выбирать, заниматься ли реквизициями или, плюнув на все, уйти, выбрали второе. Мутная история, если честно, не верится мне в жадность крестьян. То есть, конечно, крестьяне всегда себе на уме, но едва ли решились бы по своей воле вымаривать голодом собственных защитников. Скорее всего, имела место какая-то очередная интрига, возможно, царю и его советникам не слишком нравилось присутствие ромеев на территории Эгриси, – во всяком случае, тотчас после ухода ромеев опустевшие крепости заняли персы, что не вызвало со стороны лазов никакого протеста. Типа, заняли, ну и ладно. Вот ромеи, те восприняли ситуацию совершенно иначе, как явное хамство (чем, честно говоря, она и являлась) и, понятно, отреагировали. Но не топорно, а с истинно византийским изяществом, которое, впрочем, в те годы еще не называли византийским. Для начала они официально запросили Иран, намерен ли тот воевать, и только-только занявший престол шах Хосров, еще не прозванный Ануширваном, сообщил, что нет, ни в коем случае, зато готов подписать «мир навсегда». Что и было сделано в 532-м на основе принципа «каждому свое». Персы сохранили Картли в качестве провинции, согласившись в качестве жеста доброй воли не навязывать христианам своей веры и позволить миссионерство так называемым «сирийским отцам», а взамен признали Западную Грузию сферой влияния ромеев и увели гарнизоны из спорных крепостей. После чего по приказу василевса в Эгриси, строго в рамках договоров с персами и лазами («при необходимости имеет право»), были введены внушительные силы, никаких насилий не чинившие, зато в рекордные сроки построившие собственные цитадели, Археополис и Петру.

Хотя властям Эгриси это мало понравилось, а еще меньше пришлись им по нраву попытки выяснить, почему же все-таки солдатиков морили голодом, протестовать они не стали и на этот раз. Однако обиделись.

А ну-ка, отними!

Договоры договорами, но что большая драка не за горами, было ясно. Оба геополитических монстра, пережив тяжелые кризисы, вышли из них обновленными, полными сил и амбиций, во главе обоих стояли люди, мягко говоря, талантливые и не лишённые мании величия. И персам, и ромеям нужно было только немного времени на раскачку – Юстиниан восстанавливал власть Империи в Италии, разбираясь с готами (с вандалами и аланами в Африке он уже успел разобраться), а Хосров доводил до ума страну, очищая ее от последствий «революции» Маздака. Однако оба понимали, насколько Эгриси лакомый кусочек в стратегическом плане. В общем, фронт будущих событий тоже был очевиден, и когда в 542-м «навсегда» закончилось, никто особо не удивился. Получив известия о новой вспышке Готской войны, Хосров, выступив во главе большого войска якобы на восток, против кочевников, внезапно оказался на границе Эгриси, где его встретили и провели через перевалы посланцы царя Губазы II, немедленно объявившего, что отныне является верным вассалом шаханшаха. А не василевса, который, понимаешь, войска вводит и какие-то претензии по поводу какого-то продовольствия предъявляет.

Пала Петра, гарнизон которой никак не ожидал подобного фокуса от союзников, и Юстиниан, нуждавшийся в войсках для окончательного решения «готского вопроса», предложил отложить разборки на пять лет, параллельно назначив командующим немногочисленной восточной армии Велизария, имя которого стоило десятка легионов. Предложение было принято. Шах начал интегрировать приобретенные земли, причем, ясно понимая, с какими киданами имеет дело, сделал попытку устроить в Эгриси переворот, чтобы раз и навсегда избавиться от чересчур похожего на флюгер царя Губазы.

Затея, однако, не выгорела. У потенциального кандидата на престол в последний момент дрогнули нервы и он дал задний ход, а Губаз с этого момента начал писать покаянные письма в Константинополь: дескать, черт меня, дурня, попутал, но теперь я все осознал, больше не буду и хочу назад. На берегах Босфора такая информация встретила понимание и одобрение. Там уже успели начерно решить проблему с готами (Тотила, «последний король», при всей своей гениальности имел слишком мало сил) и не видели причин не заняться Кавказом поновой. Так что Эгриси снова запылала. Петру, правда, с первого раза вернуть не удалось, зато войско, спешно присланное Хосровом, разбили, после чего крепость сдалась. Правда, в новой ситуации ромейские генералы сочли за лучшее ее просто стереть с лица земли. В испепеленной стране тем временем творился полный бардак. Единой власти, собственно, не было, кто-то еще подчинялся Губазу, но некоторые племена, например, обитающие на крайнем севере царства и почти не обиженные войной абасги, тяготели все же к Ирану, помимо грубой силы ведущему кропотливую работу и по линии спецслужб. В 554-м царь Губаз, судя по всему, вновь затеявший с шахом тайную переписку, был пойман на горячем и наконец-то убит обиженными ромеями. Впрочем, сторонники персов, как выяснилось, не имели сил на реальный реванш, так что в итоге тему закрыли полюбовно: василевс назначил козлов отпущения из числа исполнителей убийства, примерно их наказал, а на престоле утвердил Цатэ II, брата убиенного, дядю немолодого, к авантюрам не склонного и вполне лояльного «братьям во Христе». К этому моменту всем уже было ясно, что война выдыхается на уровне по нулям: ромеи отбили свое, но дальше не шли, у персов восстановить все на желательном для них уровне никак не получалось. Поэтому, потратив пару лет на вялые стычки, в 562 году помирились, оставшись каждый при своем. Иран, правда, выговорил право еще на десять лет поддержать под контролем сванские ущелья, однако по истечении этого срока вывел войска и оттуда. Эгриси же, как была вассалом Рима, так и осталась, но в изрядно попорченном виде.

На севере дальнем

Строго говоря, в результате войны государство перестало существовать. То есть был царь, были флаг, герб, еще какие-то формальности, но эпоха величия лазов и эгров, длившаяся около века, завершилась бесповоротно. В южных, примыкающих к римским границам землях фактическим руководителем стал римский посол, вежливо указывавший царю, что делать. Северные же племена абасгов, апсиров и мисимиан отделились от центра не только фактически, но, в общем, и формально, ко всему прочему еще и выразив явные претензии на роль нового центра объединения Западной Грузии. И вот тут, куда же деться, придется сделать не для всех приятное отступление. Конечно, большинство грузинских историков считает иначе, но были все эти племена, некогда, в период взлета, подчиненные Эгриси, не лазами, не эграми и не чанами, а, так сказать, прото-адыгами. Тогда это, правда, мало кого волновало, национализм в духе просвещенного XXI века был не в ходу, но смешение населения шло в основном на уровне знати, а также в портовых городах, с их греческим (или космополитическим) духом. Даже в эпоху расцвета Эгриси подчинение северных племен центру было в немалой мере условным: жили они по своим адатам, а управлялись собственными «малыми царями» из древней знати (у абасгов, согласно Прокопию, было аж два княжества). И были – в сравнении с лазами, практически влившимися в Ойкумены, – диковаты, но очень воинственны, имея свое мнение насчет происходящего в мире. В период Великой Войны, когда персы, казалось, одолевали, «цари» абасгов, самого, видимо, продвинутого из племен севера, даже попытались объявить независимость, пригласив на помощь ограниченный персидский контингент и присягнув шаху. Константинополь такую инициативу, естественно, пресек в корне и жестко, прислав десант. Однако выводы сделал верные: поскольку юг и так бы никуда не делся, там поблажек никому не давали, зато в север стали вкачивать большие деньги, активно внедряя не очень популярное в сельской местности христианство, строя храмы и не обращая внимания при этом на распилы и откаты, очень понравившиеся туземной знати. Помимо прочего, вельможную молодежь десятками начали вывозить на обучение и воспитание в столицу Империи, где юнцы воспитывались в лучших домах, проникаясь соответствующим духом. Так что, когда война, наконец, завершилась, оказалось, что территория бывшей Эгриси состоит из двух частей: очень-очень вассальной Лазики под боком у Империи и северных территорий, взятых ею под прямое управление в качестве провинций. Бывший центр наверняка дико злился, но население аннексированных территорий ничуть против аннексии не возражало, поскольку «верхам» достались высочайшие титулы, пенсии и видимость власти, а «низы», при условии христианского вероисповедания, обрели все права и льготы подданных василевса. Лет на тридцать жизнь этих краев стала частью внутренней жизни Империи. Правда, как показала жизнь, понятие о верности у племен севера мало отличалось от аналогичного на юге, у лазов, надзор требовался постоянный, однако пока серьезных конкурентов под боком не имелось, никаких осложнений не возникало, а что потом, так ведь то потом.

Эти сложные хайастанцы

Свою порцию купонов с неудачи Ирана состригли и князья остана Картли. Они вполне ладили с персами, даже помогали тем ликвидировать царскую власть, однако теперь, став сами себе хозяевами, тяготились наличием наместника. После нескольких обращений в Ктесифон на предмет, что, дескать, учитывая лояльность и особые исторические обстоятельства, статус провинции в составе империи неплохо было бы и повысить, гордые картлийские мтавары пришли к выводу, что если не надавить, центр так ничего и не услышит. Благо обстановка располагала. Если Картли, считавшуюся, как-никак, коронным владением Дома Сасана, шахское правительство практически не ущемляло и даже налоги взимало льготные, то соседнюю Армению обирали по-крупному, ко всему еще и унижая, а армянские нахарары были не те люди, в общении с которыми хамство сходило с рук. Есть, правда, точка зрения, согласно которой персы сознательно провоцировали армян на мятеж, рассчитывая вслед за тем покончить с некоторыми особо подозрительными фамилиями, и если так, можно сказать, они своего добились, но, в любом случае, для картлийских «умеренных сепаратистов» весь этот расклад был очень и очень к месту. Когда очередной вождь из неугомонного рода Мамиконян, на сей раз Ваан, наконец поднял знамя восстания, обратившись за помощью к всегда готовым нагадить соседу ромеям, лучшие люди Картли примкнули к армянам, войск, правда, послав немного, зато развив немеряную дипломатическую активность, заявив, что суверенитет страны восстановлен (в какой степени и какой форме – благоразумно умалчивалось) и высшая власть отныне принадлежит – нет, не царю, царя над собой они не хотели, – а Совету во главе с номинальным «спикером» – эрисмтаваром, никакой реальной власти не имевшим, зато олицетворявшим собою тот факт, что государство опять существует (не будет ошибкой сказать, что новообразование чем-то напоминало нынешние Эмираты, хотя было куда более аморфным). Первым «главой Верховного Совета» был избран мтавар Гуарам из рода Багратиони.

И вот тут, куда же деться, придется вновь, как и в случае с Северной Эгриси, вспомнить о сложном. Вопрос о происхождении этого рода для грузинских историков настолько деликатен, что полшага в любую из сторон карается десятью годами морального расстрела с конфискациями. Непонятно, правда, почему, в конце концов, никого не беспокоит ни персидское происхождение первой и четвертой династий, в том числе великих Фарнаваза и Вахтанга, ни парфянское третьей, ни даже армянское второй. А вот на вопросе о Багратиони – замыкает. С тем, что некие древнееврейские корни есть, согласны, но далее положено считать, что чистые грузины – и никто более. Хотя, ежели подумать, версия о происхождении этого (реально древнейшего) рода от еще ахеменидских времен вельмож из дома Оронта, правивших сатрапией Армения, ничуть не противоречива. В ее пользу говорят и наследственные имена (ну хоть убейте, Ашот и Смбат никак не картвелы), и обладание колоссальными землями и авторитетом в Армении. И даже, если уж на то пошло, факт избрания «первым среди равных» именно Гуарама (когда все сами себе главные и уступать равному никто не хочет, всегда выдвигают на первую роль кого-то, пусть чуть-чуть, но отличающегося от остальных, лучше всего, слегка чужака). Впрочем, ладно. Как бы то ни было, василевс Юстин II обладал мятежников, признал Картли союзным государством, а председателю даровал звание куропалата, третье по списку в придворной табели о рангах. Это было столь престижно, что должность стала прозвищем. Военные действия, правда, не задались, Хосров (давно уже Ануширван) был противником страшным, но по итогам, даже отступив, римляне отказались выдать Ваана Мамиконяна и требовали признать Картли не провинцией Ирана, а вассалом. Трудно сказать, чем бы все кончилось, но бесмертных нет: великий шаханшах умер, а его сын, Ормизд IV, не слишком прочно сидя на престоле, принял предложения, не устраивавшие отца. Армяне, правда, как всегда, остались крайними, но Ваган Спарпет обрел статус политэмигранта, а картлийский эрисмтавар Стефа-

ноз I, наследник Гуарама, стал вассалом шаха, получив еще и наследственный титул патрикия, первый в имперском придворном реестре. А затем начался сплошной Болливуд.

Мелодрама с препятствиями

Шах Ормизд недолго продержался на престоле. Слабый и вспыльчивый, он настроил против себя генералитет, в том числе и эранспасалара Варахрана Чубина, победившего считавшихся неодолимыми «белых гуннов», и в 589-м был свергнут и убит вместе со всей семьей, уже в самый последний момент успев отдать тем верным, кто еще был рядом, маленького наследника Хосрова и наспех накарябанное письмо василевсу Маврикию – «Враг мой, будь отцом сироте!». Маврикий, детей любивший (у него самого была большая семья), не только принял мальчика, но и объявил его своим сыном, а затем послал войска помочь сторонникам Дома Сасана, уже поднявшимся против узурпатора. Все кончилось достойно: Хосров II, успевший года полтора пожить в семье василевса на правах сына, вернулся в Ктесифон, короновался, и отношения Ирана с Империей лет десять если и не были вовсе безоблачны (политика есть политика), то, по крайней мере, хороши, и вопросы решались в личном порядке. А в 602-м в Константинополе произошел военный переворот, грубый и грязный, очень похожий на случившееся в 1980-м в Либерии. Узурпатор Фока, тупая горилла в чине примерно капитана, учинив дикую расправу над семьей свергнутого Маврикия (не пощадили даже младшего, годовалого сына и женщин), богатыми дарами выхлопотал прощение Церкви, а потом послал еще более богатые дары шаханшаху и его визирям, предлагая жить дружно.

И тут следует сказать вот что. Можно сколько угодно высказываться на тему, сколь выгодный *casus belli* выпал молодому Хосрову, но не следует забывать, что именно в этот момент Ирану, пережившему подряд Великую Войну, нашествие гуннов и две гражданочки, мир был необходим, как никогда. По логике, следовало предложения Фоки принять, а нарушить слово позже, когда страна усилится. Вот только тогдашним персидским нормам жизни такой разумный вариант не соответствовал совершенно; шах не успел даже запросить сословия, как быть, а сословия уже сами потребовали от него воевать. Дальнейшие события невероятно интересны, но лежат вне рамок нашей истории; достаточно сказать, что война началась и шла невероятно успешно для персов, словно само небо карало Фоку. Однако после того, как приемный отец был отомщен, а путчист умер мучительной смертью от рук заговорщиков, война не прекратилась: в силу вступили политические соображения, а новому василевсу, Ираклию, шаханшах ничем обязан не был. В какой-то момент под властью Ирана оказалась почти вся территория Второго Рима, кроме европейских областей, вплоть до Египта, персы дважды осаждали и Царьград; что до грузинских земель, то Лазики персов на сей раз не интересовала, а Картли война задела самым краешком, однако элита царства без царя во главе с «первым из первых» Адарнасе Багратиони все же сочла за лучшее временно эмигрировать, оставив руль приверженцам иранской партии.

Обрести в бою

Перелом наступил лишь на исходе второго десятилетия VII века: военные действия, пусть сколь угодно успешные, все же выматывали Иран, Ираклий оказался очень толковым управленцем и воякой; ему удалось мобилизовать силы, создать новую армию и перейти в атаку. В 623-м василевс с небольшим войском высадился на севере бывшей Эгриси, обаял тамошнюю знать невероятно уважительным, учитывая разницу статусов, обращением и получил полную поддержку. Причем не только абасгов и апсилов, но и, с их помощью, хазар – хозяев поволжских степей и предгорьев Северного Кавказа. Колесо завертелось в обратную сторону. Уже по итогам первого из трех своих больших походов Ираклий вернул многое, что было потеряно за предыдущие 20 лет, и при раздаче наград одним из первых стал полководец Анос, абастский князь, сыгравший огромную роль при формировании ополчения, а затем и в боях: кроме почестей, сокровищ и придворных чинов ему был пожалован титул «архонта», положенный по законам Второго Рима правителям независимых союзных государств. Этот акт, собственно, и означал признание Абасгии суверенным княжеством, находящимся в особых (но не вассальных) отношениях с Римом.

В 627-м Ираклий начал свой последний, третий поход, на сей раз через Картли, причем, учитывая тенденцию, к беглому эрисмтавару Адарнасе, бывшему в его свите, пошли люди, ранее обожавшие шаханшаха. На этот раз, впрочем, римляне и подошедшие с севера хазары Тбилиси, где засели самые упертые поклонники Ирана, штурмовать не стали, только слегка, для острастки, побомбили, а затем двинулись на юг, где у руин Ниневии состоялось генеральное сражение, окончательно показавшее, что звезда Хосрова, слишком рано названного Парвизом (Победоносным), закатилась. Год спустя был заключен мир, по условиям которого Рим вернул себе не только все утраченное, но и Армению, а Картли получила статус вассала, по имперскому счету лишь чуть-чуть ниже дарованного Абасгии, – но ведь и вклад абасгов и апсилов в общую победу был куда больше. Правда, за пару месяцев до того хазары успели все-таки взять и разгромить Тбилиси, но вернувшегося в столицу эрисмтавара это вряд ли сильно огорчило: все хлопоты по восстановлению города добрый василевс взял на себя, благо добычи хватало на все. Казалось, наступал золотой век, чему радовались все. Но долго радоваться не получилось. Пришли арабы.

Глава III. Зеленая книга

Арабески

Причины, казалось бы, труднообъяснимого обрушения двух мировых держав под ударом выскочивших из пустынь варваров, которых, к тому же, было не очень много, давно изучены и разъяснены. Карта так легла. Во-первых, варварам такие фокусы очень часто удаются. Во-вторых, оба монстра, и побежденный Иран, к тому же переживший после поражения тяжелую гражданскую войну, и победитель-Рим были вымотаны до предела. В-третьих, Египет и Сирия дико устали от затянувшейся борьбы сект, не без крови выяснявших, какова же все-таки сущность Христа, и были рады простому, без затей единобожию. Но главное, арабы первого поколения, не жестокие и очень практичные, реально несли закон, порядок и снижение налогов. Так что все у завоевателей получалось, и даже без особых (не считая трех-четырех крупных сражений) усилий. Уже после разгрома армии василевса Ираклия в Сирии арабы, развивая успех, дошли до Армении и взяли ее столицу, крепость Двин, выйдя к границам Картли, однако пересекать их не стали; это был только первый, пристрелочный набег.

Очередь Южного Кавказа пришла лет через пять-семь, после окончательного разгрома персов в бою у Нехавенда (652-й) и второго разгрома ромеев, на сей раз в Армении (654-й), после которого эрисмтавар Стефаноз II мгновенно капитулировал перед вождем мусульман Хабибом ибн-Масламой, сдав Тбилиси и преклонив колена. Арабов это вполне устроило. Покорной стране была выдана «Охранная грамота» (типа, здесь крышуем мы) и начислена вполне умеренная дань, один динар с дыма в год. Естественно, желающие принять ислам освобождались от всех налогов и получали массу преференций. Гарнизонов в стране доверчивые сыны пустыни не оставили, положившись на клятвы, поскольку сами, дав слово, нарушать его пока еще не умели. Но прогадали. Когда в Халифате начался первый тур гражданских войн, эрисмтавар Нерсе I, прозванный за сей подвиг Великим, платить отказался и установил контакты с Римом, еще надеявшимся развернуть историю вспять. Однако как только арабы достигли консенсуса и пост халифа прочно закрепил за собой Дом Омейя, сразу стало ясно, кто в доме хозяин. Картли обиженные варвары просто оккупировали, поставив в Тбилиси и ключевой крепости Цихе-Годжи сильные гарнизоны, хотя разорять и особо обижать население не стали, затем (697-й) добрались и до Запада, оккупировав Лазику, где чуть раньше ромеи упразднили пост царя, заменив его наместником в ранге патрикия, в связи с чем этот самый патрикий Сергей, сын Барнука, сдал княжество арабам в обмен на обещание вернуть ему царский сан. Видя такое дело, не стали геройствовать и северные княжества: апсилы приняли в свои крепости арабские гарнизоны, присягнули Халифату и абасги. Хотя и ненадолго: в 711-м блестящий ромейский стратиг Лев, будущий василевс и основатель Исаврийской династии, сумел восстановить власть Империи в Абасгии и Апсилии. Но не более того. Вся Эгриси осталась под властью воинов Аллаха, по мере погружения в цивилизацию становившихся все более жесткими и требовательными. Однако на востоке дела обстояли куда хуже. Мало того, что в качестве штрафа за героизм покойного Нерсе Великого арабы переписали «Охранную грамоту», резко увеличив дань (динар уже не с дыма, а с души) и введя поземельный налог, то есть переводя Картли в ранг обычной провинции, так они еще и сделали вылазку на север, слегка пограбив хазарские вежи. Хазары, разумеется, отреагировали и начали по два раза в год формально мстить, а фактически грабить, справиться же с ними полностью и навсегда никак не получалось даже у арабов.

Глухарина охота

Весы постоянно качались, военачальники сменяли друг друга, удача улыбалась то арабам, то хазарам, время от времени пару слов вставляли ромеи, а отдувалась за все несчастная страна, на зеленых полях которой было так удобно решать вопросы. Правда, под сурдинку картлийскому начальству удавалось лавировать между сражающимися, урывая льготы и у тех, и у этих. Аж до тех пор, пока в Дамаске не решили, что хватит. А когда решили, на Кавказ был командирован принц крови Мерван ибн Мухаммед, лучший полководец Дома Омейя, по прозвищу Кру (Глухой) – то ли потому что, как говорят грузинские историки, «был глух к жалобам», то ли просто за тугоухость. Так или этак, но этот шутить не умел. Вступив весной 735 года в Картли, он разрушал все, что попадалось на пути, впервые со дня первого появления арабов казня князей за нежелание принять ислам. Затем перешел в Западную Грузию, одну за другой захватил все укрепленные пункты и уперся в стены мощной крепости Анакопия, где прятались бежавшие из Картли братья Арчил и Мир, с которыми у арабов были какие-то свои давние счеты. Взять хорошо укрепленную цитадель означало прорваться в Абасгию, однако сделать этого Глухому, при всех талантах, упорстве и жестокости, не удалось; архонт Леон II организовал оборону очень эффективно, а к тому же еще в войске Мервана вспыхнула эпидемия. Так что после серии неудачных штурмов осаду пришлось снимать. Особым ударом по репутации Мервана этот афронт не стал. Тактическую неудачу под Анакопией он вскоре и многократно затмил серией блестящих побед над хазарами, добравшись едва ли не до мест, где ныне стоит Волгоград, что вскорости обеспечило ему избрание на пост халифа, однако и для Колхиды событие стало судьбоносным.

Такого ни с Мерваном, ни с арабами вообще еще никто (кроме хазар) не делал, так что пиар пошел далеко и круто. В Константинополе праздновали. Лев Исавр, уже василевс, негромко ввел войска в Лазику, назначив правителями (грузинские историки говорят «царями», но это, естественно, только их видение) героев анакопийской страды Мира и Арчила. Архонт же Леон II, справедливо слывший главным виновником торжества, удостоился всех видов поощрения, в том числе, кажется, и звания «кесаря», то есть суверенного союзного Империи монарха. С этого момента Дом Аноса входит в число уважаемых не только в регионе династий, браки чьих угодны сыновей и дочерей рассматриваются уже не как мезальянс, а как нечто вполне естественное. Но главное, начинается неторопливая экспансия Абасгии на юг. Очень скоро Леон подчинил Апсилию, затем к нему потянулись и южане. Это не было завоеванием. Сильное, богатое, совершенно, в отличие от всех прочих, не разоренное арабами княжество обещало всем закон, порядок и защиту. Поэтому под его крышу шли охотно. В чем-то процесс напоминал формирование много позже Великого княжества Литовского, с той разницей, что для Лазики абасги и апсилы, в отличие от жемайтов, и аукштайты для Западной Руси были не диковатыми чужаками, а своими. С ними много лет жили бок о бок, и их приход воспринимался как что-то вполне естественное, в духе «Наши вернулись». Какие-то региональные князьки были, естественно, против, но наемная хазарская конница «кесаря» имела массу убедительных аргументов. Что же касается Империи, интересы которой движение Леона на юг как бы затрагивало, то для нее здесь была, по сути, прямая выгода: наводить порядок на разгромленной территории куда дешевле и удобнее выходило руками «маленького брата». В это же время происходит и важная терминологическая аберрация. То ли после 906 года, когда столица Абасгии была перенесена в Кутаиси, то ли еще до того название «Абасгия» как-то незаметно уходит из оборота, и новое, занимающее практически всю Колхиду, кроме Южной Лазики, государство начинают называть «Абхазским царством», видимо, подчеркивая, что речь идет уже не только о территории одного племени.

Сепаратисты

Бесконечно жаль, что объем и тема повествования не позволяют нам хоть сколько-то подробнее остановиться на перипетиях Великой Гражданской войны Дома Омейя с потомками Аббаса, по итогам которой – после поражения и гибели Кру, хоть и великого воина, но не устоявшего против целого стада, – Халифат, собственно, перестал быть арабским. Однако по Восточной Грузии победа Дома Аббаса ударила очень сильно. Новая династия, отбросив дряхлые бедуинские традиции, возрождала старые добрые обычаи Ирана, в первую очередь, тщательно разработанную систему налогообложения, в рамках которой бесплатным оставался разве что воздух. Пусть эфемерная, неполноценная, но все-таки независимость Картли ушла в прошлое, у руля в Тбилиси встал эмир, наместник халифа; должность эрисмтавара не была упразднена, но отныне Багратиони стали чем-то вроде предводителей местного дворянства при губернаторе. Да еще и пораженными в правах, поскольку Аббасиды, в отличие от Дома Омейя, иноверцев щемили и в хвост, и в гриву. «Тутэйшим» такой расклад, конечно, не нравился, они бурчали, но очень и очень осторожно: версия грузинских историков о «восстании эрисмтавара Нерсе II» против арабов опровергается хотя бы тем фактом, что он, будучи отозван для расследования в Багдад, помаялся там всего три года, а затем вышел на свободу и уехал домой. Видимо, имели место только разговорчики в строю (потомки Аббаса реальных мятежников не щадили, но, все еще будучи по-варварски справедливы, невинных не карали), но, судя по тому, что, вернувшись, оправданный узник предпочел эмигрировать в Хазарию, в какой-то степени рыльце у него все-таки было в пушку. Уехал из Картли в свои огромные владения на территории Империи и его преемник, последний эрисмтавар Ашот.

Однако мир понемножку менялся. Хазары сошли с повестки дня, у них появились другие, более сложные проблемы. Казавшийся незыблемым, Халифат Аббасидов начинал понемногу подгнивать изнутри, начались склоки при дворе, мятежи в провинциях, сепаратизм, сектантство, вмешательство силовиков в политику, – и в такой обстановке, крепко усугубленной тяжелейшими войнами с Римом, Багдаду стало как-то не до далеких нищих украин. Поскольку же у Хазарии тоже начались непростые времена и набег кочевников прекратились, предоставленные сами себе эмиры Тбилиси решили, что подчиняться халифу, конечно, хорошо, но не подчиняться еще лучше. К такому же выводу, только имея в виду не халифа, а эмира, пришли и картвельские племена, которым повезло жить в сколько-то труднодоступных для карательных экспедиций регионах. В последние десятилетия VIII века самостийным и независимым объявило себя племя цанари, базировавшееся в труднодоступном Дарьяльском ущелье. Эмир с такой новацией, конечно, не согласился, но горные люди, потеряв много и многих, в конечном итоге нашли достаточно убедительные аргументы в защиту своей позиции. К началу VIII века их «хорепископы» (духовные лидеры, имеющие также и светские полномочия, точь-в-точь, как много позже в Черногории) уже правили небольшим, но вполне суверенным государством. Причем весьма амбициозным и агрессивным: возникшее несколько позже по соседству, чуть юго-восточнее, маленькое княжество Эрети, возглавленное какими-то странными, то ли из картлийской, то ли из грузинской, то ли (судя по именам) из армянской ветви Багратиони, цанари съели очень быстро. Лет за тридцать, после чего правящий «хорепископ», забрав в качестве трофея титул побежденного соседа, начал именовать себя также «царем кахов и ранов».

Не пожелал отстать от абхазского и кахетинского коллег и эмигрант Ашот Багратиони (о нем мы уже слегка говорили), обитающий в области, грузинами именуемой Тао, а армянами Тайк. В Империи бывшего эрисмтавара, человека с большой дружиной, деньгами и связями, встретили более чем радушно, василевс Михаил Рангаве пожаловал новому подданному титул куропалата и ранг севастократора (по европейской шкале, маркиграфа), передав в управ-

ление юг Лазики, область Кларджети. Идея была достаточно разумна: продвижение абхазов с севера на юг стало к тому времени слишком уж стремительным, и Константинополь видел прямую пользу в создании буфера между собой и союзником, поскольку, столкнувшись напрямую, вполне можно было стать врагами. Ашот оказался приобретением даже более ценным, нежели предполагалось; он договорился с Домом Аноса о границах, а затем начал активно гадить мелким арабским эмирам, откусывая от их владений земли, населенные картвелами и армянами, создав в 20-х годах IX века княжество, размерами превосходившее и Абхазию, и Кахети, и Тбилисский эмират, вместе взятые. После трагической гибели «князя князей» от рук тбилисской агентуры соседи, правда, в какой-то мере взяли реванш, но не очень убедительный, так что в 888-м куропалат Адарнасе, правнук Ашота, получив карт-бланш из Константинополя, короновался «царем картвелов». Царство его, впрочем, хотя по размерам и очень большое, являлось фактически конфедерацией владений рода Багратиони, вовсе не всегда действовавших заодно, что вовсе не шло на пользу.

Плоть и кровь

Нельзя сказать, что арабы всего этого не видели. Видели, конечно. Но поделаться мало что могли. В Багдаде уже хозяйничали турки-наемники, еще не смещавшие халифов по своему солдатскому разумению, но уверенно к тому идущие, опять же и Рим Восточный, оклемавшись и проведя у себя кое-какие реформы, начал играть свою игру, притом на две стороны. Поддерживая Дом Багратиони и Аносидов, василевсы в то же время помогли вырваться из-под власти мусульман армянам, в конце IX века восстановившим Большую Армению, возглавленную, разумеется, теми же вездесущими Багратиони, только, конечно, в варианте «Багратуни». Дело было святое (христиане же!), благородное и очень, очень выгодное, поскольку на те же земли имели виды и наследники Ашота Великого в Тао-Кларджети, а получить под боком что-то большое, сильное и непослушное ромеям никак не улыбалось, два же относительно небольших и послушных клиента были именно тем, что надо. Ясно, что куропалаты были огорчены, но если прапорщик сказал «люминий», значит, «люминий» и есть, поэтому обид покровителям высказывать они не стали, а обратили взоры в сторону Картли. Впрочем, в очень своеобразном, фирменно семейном стиле. Когда в 833-м, покончив с мятежом хуррамитов, чуть было не погубившим Халифат, появился тюрок Буга с огромной, едва ли не в 30 тысяч армией и приказом привести в покорность эмира Исхака ибн Исмаила, Баграт, старейший в Доме Багратиони, двинулся на Тбилиси вместе с карателями. При хорошем развитии событий дедушка рассчитывал, видимо, получить в виде премии столицу, а ежели по минимуму, так хотя бы сделать ночь конкурентам, кахетинцам, абхазам и собственному брату Гуараму Мампалу, пришедшим помочь тбилисскому другу. Город ему в итоге не достался, но прочее получилось лучше некуда: 5 августа 853 года Буга взял и сжег Тбилиси, засоленная голова эмира поехала в Багдад, подтрепанные кахетинцы надолго забились в горы, и даже абхазы ушли к себе за хребет и стали тихими, не мешая Тао-Кларджети жить. Вот только хотя Тбилиси, вновь прочно оставшийся за арабами, оказался слишком крепким орешком, остальная часть Внутренней Картли оставалась слишком ценным призом, чтобы борьба за нее сошла на нет. Всем было ясно, что ее обладатель станет, если ничего экстренного не случится, и фаворитом гонки за наследием древних царей. Поэтому, слегка передохнув, троика братских царств заспорила на эту тему поновой, очень повзрослому, с синяками и шишками, но лидером оказалась Абхазия, где царская власть стояла крепче, чем в Тао-Кларджети, а потенциал был много мощнее, чем у кахов и ранов.

Впервые, хоть и ненадолго, застолбив вождественную делянку еще в 60-х годах IX века, при царе Георгии I, абхазские цари лет 50 спустя, уже при царе Константине, внуке Георгия, подмяли край под себя окончательно и бесповоротно. Арабы в новых раскладах уже почти не учитывались. Они, конечно, понимали, какой гембель растет на их головы, но предотвратить были не в силах. Последний, кому что-то еще удалось, был Абул-Касим, эмир Аррана, в 914-м устроивший «визит Кру-light», однако, хотя ему удалось крепко пограбить Картли и даже принять присягу от царя-епископа Кахети Квирике, это была последняя вспышка. За игорным столом остались только «тутэйшие», активно грызущие друг другу глотки, однако выигрывала в конечно счете все же Абхазия, на престоле которой в 922-м, вопреки вмешательству в междоусобицы «братьев» из Тао-Кларджети, оказался деятельный Георгий II, немедленно забравший себе Кахети. Что, правда, не понравилось никому, особенно картлийским дворянам, которые мало того что помогли Квирике опять стать князем, но еще и подговорили наместника, сына Георгия II, учинить бунт против папы. Папа сына побил, а в Кахети, иметь которую привык удивительно быстро, послал второго сына, Леона, однако «кахам и ранам» опять повезло: в 957 году Георгий II умер, и Леон, бросив все, помчался короноваться в Кутаиси. Короновавшись же, принялся обкусывать Тао-Кларджети, которая, безусловно, была вкуснее нищих краев «кахов и ранов». И, видимо, добился бы многого, однако досадно рано умер. Вслед за чем,

едва схоронив главу семейства, младшие братья, Деметре и Феодосий, принялись выяснять, кто старше. Деметре одолел, взял брата в плен, но, как ни странно, обошелся с неслухом на диво человечно, всего лишь ослепив, а восемь лет спустя, когда черед безвременно скончаться пришел и ему, слепец был извлечен из монастыря и возведен на престол, как единственный наследник. Излишне говорить, что храбрые «кахи и раны» тотчас вошли в Картли и осадили ключевую цитадель края Уплисцихе, за которой все равно теперь смотреть было некому.

Глава IV. Понемногу

Я вижу солнце!

В ситуации, когда территория Картли, которую цари Абхазии считали уже своей, была фактически оккупирована кахетинцами, в кутаисском «мозговом штабе» родилась идея блестящей комбинации (история сохранила даже имя умника-автора – Иоане Марушисдзе). Вспомнили об одном из «малых царевичей» Тао-Кларджети, Давиде Куропалате. Тот имел репутацию человека умного, волевого, влиятельного, но не очень значительного, поскольку свои владения его были очень малы, а старший кузен, Баграт II, «царь картвелов», крепок и умирать не собирался. Вот ему-то и было послано предложение «выступить со своими силами, захватить Картли и занять престол самому или передать его Баграту, сыну Гургена». Фишка заключалась в том, что упомянутый юный Баграт по матери, сестре трех последних монархов Абхазии, был единственным наследником ее престола, а кроме того, не только внучатым племянником, но и приемным сыном бездетного Давида. Таким образом, два престола рано или поздно в его лице неизбежно соединялись бы, а картлийские мтавары – при неизбежной перспективе утраты вольности – скорее подчинились бы выходцу из Тао с его вольными нравами, нежели хмурым, злым и деспотичным кахетинским «хорепископам».

Давид, понятно, возражать не стал. Взяв с собой пасынка, его отца и мать, абхазскую царевну Гурандухт, он прибыл в Картли, заявил свои права и нарек Баграта «младшим царем». Когда же после его отъезда недовольные таким поворотом дел картлийцы позвали на выручку «кахов и ранов» и те захватили в плен всех троих, собрал по родственникам сильное войско и явился разбираться. Прикинув варианты, кахетинцы драться не стали, юноша и его родители получили свободу, а в 978-м, когда Баграт подросток, государственный совет Абхазии, сместив несчастного слепого царя, объявил подростка «царем абхазов». Экс-монарха, конечно, не обидели, а просто выслали в Тао доживать остаток лет в тепле, уюте и комфорте. Давид же занялся делами, казавшимися ему теперь наиболее важными. Как раз в это время в восточных фемах Империи поднял мятеж опытный и удачливый полководец Варда Склир, опиравшийся на поддержку арабов. Подавить путч своими силами командующий войсками василевса, Варда Фока, не мог, в связи с чем запросил подмоги у Дома Багратиони. В уплату от имени василевса предлагались огромные земли, лежавшие впритык к Тао, на условиях пожизненного держания. Давид, влиятельный, но не богатый, сделал все, чтобы главный «царь картвелов» и прочие родственники дали согласие, – и после разгрома и бегства Склира, в чем была немалая заслуга и грузинской конницы, получил обещанный феод. Земли были такие большие и богатые, что, как отмечают даже современные грузинские историки, «отдавать их Давид не хотел», а потому, как честный человек, немедленно встал на сторону в свою очередь пожелавшего стать василевсом Варды Фоки, обещавшего ему сделать временное постоянным.

Увы. Хотя армяно-грузино-арабская помощь и помогла бунтовщику захватить едва ли не половину Империи, в генеральном сражении русская пехота, нанятая василевсом Василием II, наголову разгромила сынов Кавказа. После чего напуганный перспективой вполне возможных санкций куропалат без споров подписал официальный отказ от претензий на передачу земель по наследству плюс (в виде штрафа) завещание в пользу Империи на большую часть собственных владений. Так что, умирая в 1001-м, сумел передать наследнику-пасынку, уже укрепившемуся в Абхазии и показавшему картлийской оппозиции, кто в доме хозяин, только титул «царя картвелов», унаследованный от умершего-таки в 994-м кузена Баграта II. В ответ на просьбы абхазского царя войти в положение и не быть зверем грозный Василий (еще не Болгаробойца, но характер уже успевший показать) прислал патент на чин куропалата и почетную грамоту

для папы Гургена, что же касается земель, сообщил, видимо, что раньше надо было думать. А может быть, и вовсе промолчал на эту тему. Правда, немало земель Баграт III унаследовал от почившего в 1008-м родного отца, так что, учитывая Абхазию, мог по праву считать себя гегемоном региона, «царем абхазов и картвелов», а когда в 1010-м, после нелегкой двухлетней войны, была подчинена суровая Кахети, еще и «ранов и кахов». К тому же был наведен порядок и в семье: сколько-то привыкших к полной вседозволенности Багратиони спешно эмигрировали, сколько-то сели на нары, а кое-кто и попросту, гуляя с собачкой, случайно упал с обрыва. Чуть позже, правда, совместно с армянским коллегой Гагиком I, вразумил арабского эмира Фадлона из Гянджи, ставшего первым мусульманином – вассалом зарождавшейся Великой Грузии. В общем, Баграту III, скончавшемуся в 1014-м, было и что оставить наследнику, 12-летнему Георгию I, и что доложить Господу и предкам. Хотя, как часто бывает, многое из сделанного оказалось недолговечным: как только великий монарх закрыл глаза, знать Кахети, никогда не признававшая аншлюса, выгнала прочь его наместника и восстановила царство «ранов и кахов», возведя на престол некоего Квирике, судя по полученному впоследствии прозвищу «Великий», человека, вполне достойного короны.

Солнечная ночь

Нехорошо стране, когда царь ребенок. Еще хуже, когда царь, войдя в возраст, начинает доказывать надоевшим взрослым, что уже знает все лучше всех. В данном случае, к сожалению, так и вышло. Слегка повзрослев и ощутив себя полноценным монархом, Георгий I повернул политический курс в очень странном направлении. Задач была масса, причем в большинстве посильных и решаемых: вернуть Кахети, подобрать плохо лежащее на окраине Картли крохотное армянское царство Лоре-Ташир, подумать, наконец, о Тбилиси, где эмиры явно засиделись. А дальше можно и посмотреть по ситуации. Георгий, однако, с какого-то хрена полез на ромеев, то есть на того же Василия, но уже Болгаробойцу. Нет, ясно, что юноша, с детства слыша, как злая Империя ограбила дедушку Давида, мечтал отомстить и восстановить то, что казалось ему справедливостью. И что очень хотелось казаться самому себе, молодой жене, старикам-воспитателям, народу и всему миру как минимум Искандером Двурогим, тоже понятно. Но все же, начиная, следовало бы прикинуть последствия. Царя же, судя по его действиям, хватило лишь на то, чтобы прикинуть, что страшный дядя воюет на Балканах, а значит, сразу неотреагирует, и следовательно, надо ввязаться в драку, а там будем посмотреть. Тем паче что болгары бойцы неслабые, вдруг да погибнет? Ну и...

Торжественно, почти без боя (не с кем драться было) юный царь занял бывшие владения Давида Курапалата в Юго-Западном Тао. А потом стало известно, что Болгарии больше нет. Совсем. Зато есть войско василевса, который очень, очень сердит. Сообразив, наконец, что в чем-то важном допущена ошибка, Георгий заметался. Он лихорадочно искал союзников, но дураков связываться с Болгаробойцей не было; что-то похожее на согласие выразил только аль-Хаким, фатимидский халиф Египта, но он был душевнобольным в самом прямом смысле слова, что вскоре и подтвердил, однажды утром сев на осла и навсегда уехав из дворца в неизвестном направлении. Василий II тем временем занял позиции вблизи Грузии и потребовал вернуть чужое. Из Кутаиси, естественно, прибыл гордый отказ. Василий пожал плечами, перешел границу, в 1021-м даже не победил, а отшлепал пацана у Ширымни, для острстки разорил юг Грузии и встал лагерем поблизости, намекая, что продолжение следует. Георгий какое-то время вилял, даже (безумству храбрых поем мы славу!) пытался атаковать, но был снова разбит и в 1023-м подписал даже не договор, а капитуляцию, согласившись на все. Вплоть до отправки в Царьград заложником наследника, почти младенца. После чего тяжело заболел – вероятно, от стыда и потрясения, около трех лет прохворал и умер в 1027-м, всего 25 лет от роду. Оставив на хозяйстве сына Баграта IV, еще большего малолетку, чем был сам в день получения короны. Дальнейшее в описании «группы Вачнадзе» выглядит, если вдуматься, дико, хотя на бумаге и гладенько. Текст изобилует выражениями типа «эмир был доставлен к царю, который предложил ему» и «Баграту посоветовали освободить пленника и царь согласился». Можете себе представить семи-восьми или даже старше мальчугана, который «предлагает» и «соглашается»? Лично я – с трудом. Нет, бывают, конечно, вундеркинды, но Баграт IV в их списках, судя по итогам долгого и бестолкового царствования, явно не значился. А уж в первые годы тем более.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.